

ЗЛЫЕ ПЕСНИ

по книге и жизни Якова Харона
по стихам и жизни Юрия Вейнерта

пьеса Аси Волошиной

лица:

Яков Харон — взрослый мужчина

Юрка Харон — его сын лет 20-23

Юрий Вейнерт — молодой человек, в момент действия сверстник Юрки

Вертухай — образ начальства тюрьмы и конвоира

Заключённые — какой-то хор, может быть, не в живом плане — из них же Доктор, Васька, корифей

Люся — возлюбленная Юрия Вейнерта и Гийома дю Вентре; 23-25

На видео — жена Якова Харона — взрослая женщина.

§

Яков Харон и его сын стоят с удочками. Харон — спокойный, как будто и нет облака комаров. Юрка — как будто облако комаров есть. Он, может быть, и старается превозмочь, но всё чешется и всё кусает.

Харон едва слышно коротко цыкает.

Юрка ловит эту реакцию. Довольно обидно! Он старается, а всё без толку. Постоянно чувствует, что отец им будто не доволен. (+ этюд на то, что рыба у Юрки сорвалась.)*

Пауза. Тишина.

ЮРКА. Па-ап.

ЯКОВ ХАРОН. Ым.

ЮРКА (*решился, понёсся*). Пап, а вот у тебя никогда не было такого, чтоб ты чувствовал себя ничтожеством? То есть полным нулем! То есть.... что все — кто-то и что-то, а ты никто и ничто? Или что так на тебя смотрят.

Харон смотрит на него с любопытством. Не отвечает. Занимается простыми физическими действиями. Откладывает удочку. Отходит. Юрка остаётся в глуповатом положении. Чего от него сейчас ждут? Тьфу ты! И всегда так. Решает всё же тоже положить удочку и пойти к отцу.

Харон возится с растопкой.

ЯКОВ ХАРОН (*не торопясь*). Юрка. А вот скажи, как бы ты решил, к примеру такую задачу жизни: найти иголку в стоге сена.

ЮРКА. Пап, ты шутишь?

ЯКОВ ХАРОН. Ничуть. Ну. Не хочешь подумать?

ЮРКА (*вконец осмелев*). ...я вообще-то первый тебе задал вопрос.

Харон снова сканирует его взглядом. Усмехается. Но не поймёшь, довольно ли / презрительно. Никогда с ним ничего не поймёшь. А уважения его, между тем, заслужить хочется больше жизни.

Харон разжёт костёр.

ЯКОВ ХАРОН. Костер разжечь — самое первое дело. Ну, что ты. Погрейся — что ты, как не родной. ...А это ведь совсем несложно отыскать иголку. Стог сена — сжечь! и провести магнитом над пеплом. Вуаля.

Пауза. Тишина. Юрка совсем насупился.

ЯКОВ ХАРОН. А на твой вопрос ответ очень даже положительный. Чувствовал. Чувствовал, и что никто, чувствовал, и что ничто. Во всю прыть чувствовал.

Это по-настоящему неожиданно.

ЯКОВ ХАРОН. Только мне вот интересно, что для тебя плачевней: когда ты себя так чувствуешь, или когда на тебя так смотрят?

ЮРКА.а ты — так — смотришь? На меня.

ЯКОВ ХАРОН. Эх, Юрка-Юрка. Не знаешь ты, как, бывает, смотрят. А может, это и ни к чему. Юр, ну... Видишь ли, всю жизнь, сколько я себя помню, это казалось мне величайшим счастьем — уметь что-то делать. Не как-нибудь, не тяп-ляп, а по-настоящему красиво, легко, свободно, виртуозно. «Вот мне бы так» — пожалуй, наиболее постоянный мотив моих заветных дум и мечтаний. И Юрка — Юрка — то же самое. Юрка... хорошо бы тебе быть на него хоть капельку похожим. Когда мы с Юркой... Да ну.

ЮРКА. Вот всегда так. Почему «Да ну». Как мне быть на него похожим, если я ничего не знаю! ...Расскажи про Юрку!

ЯКОВ ХАРОН. «Про Юрку». Тебе он был бы никакой не Юрка, а Юрий Николаевич.

ЮРКА. Расскажи. Должен же я знать.

ЯКОВ ХАРОН. «Должен». Помню, когда ты был вот такой, смотрел на тебя, на бандита. Всё тебе нипочем и для которого нет еще никаких границ и запретов, если не считать какие-то там мамины или бабушкины робкие попытки. Смотрю и думаю: узнаешь ли ты, шкет, когда-нибудь это чувство — потребность в свободе? Ну, вот и опять подскочил. *(Да, всплыл он.)* Иди к костру. Теплом не брезгают. Тепло — самое первое дело. На скальных работах, например, костёр разжечь. Скажем, на реке Уссури, скажем, в шестидесятиградусный мороз. Тут и охранник прогреется, тут и перекур бригады. Прораб или другой кто из начальства — бригадир — тоже, к костру: сколько шурфов с утра, сколько внизу надробили кувалдами, сколько вывезли на тачках к погрузочной эстакаде, то да се, как с табачком...

Харон рассказывает как будто не обращая внимания на слушателя, не заботясь, понятно ли ему. Но слушатель ловит каждое слово.

ЯКОВ ХАРОН. Приходит однажды начальник лагпункта. Мы видим его

впервые, он нас — тоже. Мы для него еще совсем внове: сплошные каэровцы.

ЮРКА. Кто?

ЯКОВ ХАРОН. ??

(Как будто только вспомнил, что здесь кто-то. (Потом окажется, что это только Юрке так казалось, — не самом же деле — всё как раз-таки для него; но это спойлер.))

ЯКОВ ХАРОН. Что — такое — каэр? *(Даже как-то весело.)*

§

Врезается лагерная переключка.

Это может быть в тених, в куклах, в кино, синтетически — как угодно. Нужно открытое для входа пространство и время тюрьмы — зона зоны.

ВЕРТУХАЙ. Сми-иррр-на-а! А-атставить разговорчики! Шичас буду называть хвамилие, кажный должен отвечать: имя-отсва, год рожденья, кем сужден, статья и срок, понял? Абрамов!

— Сергей Иванович. Тысяча девятьсот второй...

ВЕРТУХАЙ. Ну?

— Остального, виноват, не знаю.

ВЕРТУХАЙ. Антелехенция, мать вашу... Ты шо — нерусский? Три простые вещи у мозга держать не можешь! Повторяю вопрос: кем сужден, статья, срок. Понял? Давай.

— Я не был ни на каком суде. Мне неизвестно, судили ли меня заочно, а если судили, то кто именно. И срок мне неизвестен. Уверяю вас, не стал бы я...

ВЕРТУХАЙ. А-атставить разговорчики! Слухай сюды и запоминай — сгодится, ще не раз спросють: Тройка, ка-ер, десять лет. Повтори.

— Тройка... Ка-эр... Де... десять... Десять?!

ВЕРТУХАЙ. Борисов!

— Иван Сергеевич, тысяча восемьсот девяносто пятый.

ВЕРТУХАЙ. Ну, давай дальше.

— Дальше не знаю.

ВЕРТУХАЙ. Должен знать: Тройка, ка-эр, десять лет.

— Какая тройка?

ВЕРТУХАЙ. Быкновенная. Ты шо — з луны свалился? Васильев!

— Николай Петрович, девятьсот девятый, ничего другого мне не докладывали.

ВЕРТУХАЙ. Ну, дык я те доложу: Тройка, ка-эр, червонец. Васин!

— Игнатий Фролыч, девяносто второй, э-э... Тройка?

ВЕРТУХАЙ. Ну!

— ...Ка-эр?

ВЕРТУХАЙ. Ну?

— Десять лет!

ВЕРТУХАЙ. Не-е, восемь. Хватит с тебя. Востриков!...

ЯКОВ ХАРОН. И так далее, и так далее, и так далее... «В», «Г», «Д», «Е»...

ВЕРТУХАЙ. «Х»! Харон!

ЯКОВ ХАРОН. Яков Евгеньевич. Тройка. Ка-эр. Десять лет. *(Это буднично, немного через плечо; из своего пространства, не входя в воспоминание. А дальше сыну.)* Восемь или десять — велика ли разница? Разве вечность

бывает большей или меньшей? А ка-эр и впрямь звучало загадочно. «Тройка» — это мы слышали еще в Бутырках, это понятно. А ка-эр? Все знают так сказать, «с пеленок» — с первых же недель за решеткой, что, например, «КРД» означает контрреволюционную деятельность, «КРТД» соответственно еще и троцкистскую. Позже, уже на этапе, мы познакомились с другими любопытными звукосочетаниями. Например, с изящным обозначением женщин и девочек, ехавших в параллельных с нами эшелонах. «ЧСИР»: член семьи изменника родины. Это было понятно — не только в лингвистическом, но и в более широком смысле. Известно: «сын за отца не отвечает». Насчет же дочери никаких подобных установок не было. (*Взглянул, оценена ли шутка. Едва ли — слишком шоково.*) ...А наше «Ка-эр» так и не привилось в быту — ни у нас, ни у тех, кто нас охранял. Пользовались удобным уменьшительным: контрики. «Контрик, оставь сорок» — яснее ясного: уважаемый, соблаговолите уступить мне 40 процентов от вашей благоухающей самокрутки...

Замолчал. Юрка ждёт. Продолжения нет.

ЮРКА. Пап. Расскажи про Юру-...рия Николаевича.И про Гийома дю Вентре... ..и про Маркизу Л.

ЯКОВ ХАРОН (*будто бы и не слышал*).М-да... костёр. Костёр он создаёт возможно атавистический, к пещерным пращурам восходящий, всем людям присущий «дранг пум фойер». Тягу к домашнему очагу что ли. Так вот. Подходит начальник лагпункта. Мы видим его впервые, он нас — тоже. Мы — сплошь по политическим статьям, «набор» 37-го года; в этих местах в новинку. Прежде тут работали бытовики. Всматривается наш начальник в наши лица — хоть и небритые, хоть и ушанках, да при кормежке соответственной, да в такой мороз, да сразу же после двухмесячного этапа, да после в среднем годичной тюрьмы... М-да. Эти лица сейчас и не ах как похожи на роденовский бюст Бернарда Шоу... и все же в них чудится начальнику что-то любопытное, непривычное, достойное рассмотрения. «За что попали?». Долго рассказывать, да и то объяснить невозможно. А всё-таки постепенно завязывается разговор. И давно уже кончились обе пачки «Казбека», которыми нас угощал начальник, он сам уже дымил махоркой, кем-то из нас предложенной... Мне довелось исповедоваться последним. В бригаде я был самым молодым (двадцать три — как тебе сейчас — мне исполнилось в Бутырках). Кроме того, я был единственным музыкантом по образованию и кинематографистом по профессии — сочетание достаточно редкое не только для тех мест. Начальничек все силится что-то понять:

вероятно, возможность вредительства и диверсии на столь неподходящем поприще, как звуковое кино... Я стараюсь, как могу. Приходится прочитать экспресс-лекцию об организации кинопроизводства. Да про мою «предысторию» — детство в Берлине, потом консерватория, красная демонстрация в Гамбурге, баррикады, красные фронтовики, наглеющие фашисты... конца-края нашей беседе у костра не предвиделось. Наконец, мы как-то закруглились, встали, побросали снега на костер... «Н-да-а», — задумчиво протянул начальничек и, глубоко вздохнув, похлопал меня очень участливо по плечу: «Не надо было воровать, браток!».

Харон расхохотался.

ЯКОВ ХАРОН (*сквозь смех*). «Не надо... не надо... не надо было воровать» — представляешь! ...Потом-то, много позже, я как-то допетрил. В свою итоговую реплику он вложил автоматически некую сентенцию, которой, вероятно, заканчивал свои беседы по душам с нашими предшественниками уголовниками. А в ту минуту я только открыл рот да так его и не закрывал, кажется, до самой вечерней баланды... С тех пор я, как нетрудно догадаться, больше не «исповедовался». Меня одолевал приступ смеха в ту же секунду, как я собирался открыть рот, чтобы что-то такое вякнуть из «автобиографии», связанной с моим «делом».

Занялся костром. Сын ждёт продолжения.

ЯКОВ ХАРОН. А по поводу «никто» и «ничто», по поводу «ничтожества»... знаешь, когда я испытал это в первый раз? Как раз в Бутырках. Поздненько. Поздней, чем надлежало бы приличному человеку — как ты думаешь?

В пространстве тюрьмы алюминиевые миски. (Две такие же или похожие есть стоят у костра Харона.) В миски в тюрьме половником стряхивается каша. Один удар в каждую. Какая-то колокольная с ними реприза аккомпанементом для голоса Харона.

ЯКОВ ХАРОН. ...Непонятность, непостижимость происходящего, неизвестность, чем «все это» кончится, — вот что было хуже всего для участников первых «волн» тридцать седьмого. Количественные показатели — вот что, казалось, могло пролить хоть какой-то минимальный свет.

ЮРКА. Как это?

ЯКОВ ХАРОН. Т-ссс! Арестантская перекличка.

ЮРКА. А?

ЯКОВ ХАРОН (*он продолжает рассказывать как бы кому-то другому - как бы не сыну; не этому сыну, который сейчас рядом с ним*). Мы почему-то были убеждены, что ленинское «чем хуже, тем лучше» приложимо и к судьбе нашего поколения. Чем больше народа окажется в нашем абсурдном, дурацком положении, тем скорее «наверху» станет понятна эта абсурдность, и вредность. Наивность? Соломинка? Да, соломинка! И соломинка требовала каких-то более или менее реальных цифр, способных либо подтвердить нарастание потопа, либо же указать на спад волны. Цифры — где взять их? Цифры носились в воздухе!

Заклученному всякой приличной тюрьмы —
а Бутырки были тюрьмой образцовой —
известно по меньшей мере следующее:
количество людей в его камере (величина переменная)
количество камер в его коридоре
количество таких коридоров в корпусе
этажность каждого корпуса
количество корпусов.

Повторю: показатели твоей камеры могли не совпадать с показателями других. Следовательно — необходимо среднеарифметическое. По крайней мере, в масштабах коридора. Мы добывали данные — из воздуха. К обеденному часу замирала вся тюрьма. Вот где-то вдали громыхнул засов — открылась дверь коридора. Затем — неразборчивая возня, смесь позвякиваний, побрякиваний, скрежетаний бачков по каменному полу. В обед полагалась каша. Каша! Тут-то и начиналась арифметика. Дело в том, что порцию каши нельзя переправить из бачка в миску иначе как черпаком. А поскольку каша крепко залипает в черпаке, раздающему необходимо — что? Как следует стукнуть по каждой миске!

Звон.

ЯКОВ ХАРОН. Порция!

Звон.

ЯКОВ ХАРОН. Вторая!

Звон.

ЯКОВ ХАРОН. ...шестьдесят седьмая. Итого сегодня сто двадцать седьмой камере натрахано восемьдесят три порции каши.

Звон. И каша попадает в миску Юрки тоже. Харона это никак не сбивает.

ВЕТРУХАЙ. Восемьдесят четыре.

ЯКОВ ХАРОН (*считает*). Восемьдесят четыре. Всего, стало быть, по корпусу с его четырьмя этажами и тремя блоками... Итого по вверенной нам тюрьме...

Пока Харон считал, Юрка попал в пространство тюрьмы. Это неизбежно, потому что рассказ отца, который ему, наконец, спустя столько лет удалось инициировать, он примеряет на себя. Только как нам называть его здесь? Правильней всего — называть Хароном — ведь это и его настоящая фамилия, и роль которую он начинает играть.

ЯКОВ ХАРОН. ...кибернетического счетного устройства у нас не было, но мы вводили в наши расчеты все же достаточно много поправочных данных...

В пространстве тюрьмы (Юрка) Харон преобразается так: оказывается в белых брючках со стрелочками; ремень и шнурки уже упразднены. Естественно, он растерян. Что-то заставляет Якова Харона обратить внимание на него на секунду. Он оценивающе смотрит — на своё ли воспоминание / на сына ли.

ЯКОВ ХАРОН. Кстати, прибытие новеньких тоже хорошо прослушивалось! Они еще шагали остороженько, стесняясь шуметь и тревожить сон тюрьмы... Но эта их осторожность нас только забавляла. Завтра в обед мы их пересчитаем, как миленьких: каша-то им тоже положена. А к вечеру они уже получают необходимую дозу начального образования и будут исправно топтать, как слоны. И никто им этого не запретит, потому что обувь не зашнурована и никаких претензий к походке не принимается.

Он занялся чем-то своим (он, может быть, мастерит что-то неспешно всю дорогу; или чинит). И большую часть времени не трогается с места.

(ЮРКА) ХАРОН (*показывая на свою кашу*). Я... товарищи... то есть...

(замялся.) Я здесь ненадолго, долго не пробуду. Меня должны выпустить — не через час, так через два или три!

ЯКОВ ХАРОН. Да-да-да. «Вот-вот вызовут. Допросят по форме. Извинятся. Отпустят. Ладно уж, пусть без извинений, работы у них вон ведь сколько — долго ли промахнуться, прихватить ненароком и невиновного. Лес рубят — щепки». Да-да-да.

ХАРОН *(другим заключенным)*. Со мной произошло какое-то дурацкое недоразумение. Я ненадолго. Я не буду есть. Может быть, кому-то...?
(Предлагает кашу.)

В ответ, конечно, лишь усмешки.

ЯКОВ ХАРОН. Вот. Вот за эти два или три часа моей жизни я до сих пор внутренне стыжусь. Есть у меня, как у любого человека, кляксы и пятна, но вот чувство своего превосходства над людьми в бутырской камере... Вошел я с твердой убежденностью, что передо мной те самые враги, изменники, предатели, террористы и диверсанты, которые жаждут уничтожить нашу Советскую Родину. «Вот они какие, голубчики!» — думал я. И ловил себя на мысли: здорово они все-таки маскируются, черти! Хоть бы одно преступное лицо. Но раз их посадили, то и говорить не о чем: враги! — Вот этого я себе никогда не прошу.

ХАРОН. Может быть, кому-то...? *(Всё предлагает кашу.)*

— Лучше расскажите, что там в газетах? Вы ведь с воли, по лицу видно... Так что же пишут?

— Оставь его, пусть малость очухается. Не видишь разве — человека схватили случайно, ни за что ни про что, и с врагами народа он встречается впервые...

Смешки. Смешно.

— Тебе хорошо говорить, а меня с часу на час уведут и шлёпнут. Дай напоследок хоть новости послушать. *(Харону.)* Не сплетни, не слухи, понимаете, а только официальные сведения из газет и по радио, новости искусства, спорт, какие новостройки, какие события в мире... Вы ведь читаете газеты, молодой человек?

ХАРОН. Читаю... (*вот сейчас стало трудно.*)

ЯКОВ ХАРОН. ...мда. Отвечал более чем односложно. Боже, как стыдно, когда вспоминаешь! Сколько бы отдал я дней свободы (больше давать нам нечего было!) за возможность перечитать газеты хотя бы за последнюю неделю до ареста. Чтобы не выглядеть таким ничтожеством в собственных глазах! Сколько бы я запомнил, вы зубрил, специально отыскал в подшивках, если б мог знать, как это важно!.. (*Харону.*) Ну!

Харон совсем не знает, что сказать. Он же так недавно из 1981 или что-то в этом роде...

ЯКОВ ХАРОН (*сжалился; подсказывает*). Шестая партия с доктором Ласкером отложена в ничейном положении.

ХАРОН. Шестая партия... отложена...

— Скажите пожалуйста! (*Не подумайте: без тени иронии. Все ловят каждое слово.*)

ЯКОВ ХАРОН. Открыта новая станция метро — Смоленская.

ХАРОН. Станция метро Смоленская открыта.

ЯКОВ ХАРОН. Опубликованы основные данные принятого по конкурсу проекта Дворца Советов. Днепропетровский завод осваивает для строительства новую марку сверхпрочной стали.

ХАРОН. ...совершенно новую марку.

— Спасибо!!

ЯКОВ ХАРОН. Статуя Ленина на вершине здания будет стометровой.

ХАРОН. ...в голове Ленина разместится библиотека.

ЯКОВ ХАРОН. ...В Мадриде — ?

ХАРОН. В Мадриде? — без особых перемен. А вот под Сарагосой упорные

бои. Так?

ЯКОВ ХАРОН. Так. Наши взяли какой-то сильно укрепленный пункт.

ХАРОН. ...Да уж! Сколько бы отдал я дней свободы за возможность прочитать газеты 37-го года. Хотя бы за последнюю неделю до ареста... *(он уже практически принял роль.)*

— Так что же под Сарагосой?

ХАРОН. Говорю же: взяли какой-то укрепленный пункт. ...не то Кон... не то Кен...

— Кинто?!

ХАРОН. ...точно, Кинто.

— Слава богу! *(С чувством.)*

ХАРОН. ??

— Сын у него там. *(Кто-то пояснил.)*

— А вон то — который вас за Ленина благодарил — академик, заместитель начальника строительства Дворца Советов...

— по научной части.

— А вон тот дядя в выцветшей гимнастерке — начальник Главугля.

Скрежет двери и шум за дверью. Харон весь в струнку в надежде.

ХАРОН. За мной!

В камеру вваливается арестант с допроса. Он в неважном состоянии.

— *(Харону.)* А вы правда не голодны?.. Товарищ вон прямо с конвейера, ему бы поесть перед сном.

Харон отдаёт миску.

ЯКОВ ХАРОН. И так далее, и так далее, и так далее.

— он востоковед; в совершенстве японский, китайский, корейский, восемнадцать лет на дипломатических рубежах. (*это про прибывшего.*)

ЯКОВ ХАРОН. Поддерживал цитатами из Конфуция. Тот профессор, этот летчик-испытатель. Крупный биолог. Смешной гномик-толстовед: мы все допытывались у бедняги, какие листочки предпочитал Лев Николаевич для подтирки — кленовые или березовые?

ХАРОН. И какие?

ЯКОВ ХАРОН. Сам спроси. И он даёт самые исчерпывающие справки. Инженеры, конструкторы, иногда — бывшие сотрудники НКВД. Рослый красавец из ЦК польской компартии раза два в день возмущался (*с польским акцентом*): «Какая хреновина опять ходила в сапогах по нарам?!»

— (*Харону.*) Нары, впрочем, у нас, как видите, чистая условность: листы фанеры. Их хватает не всем, но система продвижения справедлива. По мере выбывания арестантов возможен переход от параша «вверх», с голого пола на фанеру. Это уж высший класс.

— А про скрипки Гра не доводилось слышать?

ХАРОН. Ещё бы. В берлинской консерватории ведь был специальный курс по акустике щепково-струнных инструментов... Скрипки Гра ценятся иными специалистами почти наравне с инструментами Паганини.

— Так вот он.

ХАРОН. Кто?

— Да не этот. Не туда смотрите. Вон тот худощавенький. Фридрих Гра.

ХАРОН. ...что вы! А я... признаться думал, что «ГРА» — это какое-нибудь шифрованное обозначение вроде «ГУМ».

ЯКОВ ХАРОН. Да. Думал.

— Ан-нет. Это он Фридрих Гра.

— Ну, так что же. Может всё-таки присядете? Четвёртый час пошёл, чай подустали. Брючки — дело ясное, замарать не хочется, брючки славные. Но — если отпустят, так ведь можно и в химчистку сдать?

ХАРОН. Да! Да! Вы правы! Да! Действительно. Как стыдно!!

Присаживается с арестантами. Со-единение произошло. Все укладываются. Ночь.

§

ХАРОН (*отцу шёпотом; контрабандой*). А с Юрием Николаевичем вы познакомились там же?

ЯКОВ ХАРОН. Нет. С Юрием Николаевичем — в 43-м году. Уже в дальневосточной тайге.

Звук падения срубленного дерева.

— Посторонись на ху...

(В речи заключённых изрядно ругательств, но они услужливо заглушаются местными шумами.)

ЯКОВ ХАРОН. Осторожней!! б...

Знаешь, как бывает, когда два ствола, падая навстречу друг другу, — сталкиваются, разлететься в разные стороны. Метровый в диаметре ствол настигает людей, бегущих друг за дружкой, да так их строем и укладывает, вдавливая в землю — случилось, и пятерых подряд. А ты стоишь рот разинул.

ХАРОН. Значит, в Дальневосточной тайге.

ЯКОВ ХАРОН. Да.

ХАРОН. И ты сразу знал, что назовёшь сына в его честь?

Вбегает оживлённый Юрий Вейнерт. Это сверстник Юрки — совсем

молодой парень.

ВЕЙНЕРТ. Это прямо сенсация!

ХАРОН. ?? Он?

ЯКОВ ХАРОН. Юрка.

ВЕЙНЕРТ. Танцуйте!

— Письмо?

ВЕЙНЕРТ. Лучше! История, леденящая кровь! представьте: по дороге в ЦБРИЗ захожу в одну хату, ну на краю деревни, и прошу у старушки напиться. Она мне указывает на кадку в сенцах. А кадка накрыта толстым фолиантом в тисненном переплете. И что бы вы думали? А? Что бы вы думали?

— Неужто «Декамерон»?

— «Саламбо» Флобера?

— «Тысяча и одна ночь»!

ВЕЙНЕРТ. Лучше! Клавир оперы Даргомыжского «Русалка»!

Кто-то присвистывает.

Харон вопросительно смотрит на отца.

ЯКОВ ХАРОН. Да-да-да. Вейнерт Юрий Николаевич собственной персоной.

— ...И что же? Выкупил.

ВЕЙНЕРТ. Спрашиваю: продадите? А она: обменяю!

— На что, прости-господи.

ВЕЙНЕРТ. На что? «На подходящую фанерку, чтоб кадку было чем подпирать». Каково?! Считаю, будет преступление, если мы не соорудим ей первоклассный цинковый бачок с хромированным краном...

Харон давно стоит уже, весь преисполненный важности момента. Тянет к Юре руку для приветствия.

ХАРОН. Харон. Юрий Яковл... То есть, виноват, Яков Евгеньевич.

ВЕЙНЕРТ. ?? «Вы» в себе ли, «коллега»? «Виделись»? *(Хлопает его по плечу весомо, как старый друг.)* Ладно, я в цех.

Все разбрелись как-то.

§

Настолько, что Харон даже смог подойти к отцу.

ХАРОН. А зачем вам был клавишник Даргомыжского? То есть... нет, я не то, я имел в виду: а как получилось, что... это ведь зона. Почему вы были так... свободны...

ЯКОВ ХАРОН. «Свободны!» О, это ты хорошо сказал.

ХАРОН. Ну ты же понимаешь, о чём я!

ЯКОВ ХАРОН. Понимаю-понимаю. Это ведь уже 43 год. Зона была переформирована в военный завод. Моих сил, Юрка, никак не достанет на воссоздание мало-мальски достоверной картины нашего завода в те решающие дни. Скажу только, что за сорок дней мы — несколько тысяч конструкторов и тридцать два вольнонаемных — спроектировали, выстроили и пустили в эксплуатацию литейный цех с тремя вагранками, землеприготовительным отделением, сушильными печами, заливочным залом с полусотней металлических изложниц, отжигательными печами... *(все технические термины должны (я верю, что могут) звучать как реальная поэзия.)* ...и обрубным барабаном.

ХАРОН. Ого...

ЯКОВ ХАРОН. Кирпичное здание было еще без крыши, а первая вагранка уже давала чугун. Очень скоро к нам, в нашу глухомань, приехали за опытом люди из центра, из самой Москвы: мы первыми придумали и построили заливочные конвейеры — один рельсовый, импульсный, а другой — моё

детище — карусельный, с непрерывным циклом... (увлёкся, конечно; очнулся, смотрит на сына. интересно ли ему? понятно ли хоть немного? опять «закрылся» сердито.) Как ты понимаешь, чтоб всё это было на ходу, необходимо некоторое число расконвоированных заключённых. ... Собственно и раньше определенная, так сказать, свобода у нас была. Уже самое начало было любопытным. В 39-м с вокзала нас отправили прямо в тайгу пешком и налегке, и вместе с нами шли сани с палатками, плотницким инструментом и провиантом. Старшой скомандовал привал и собрал нас на «конференцию». Самую толковую из всех, на которых мне довелось бывать в жизни.

ВЕРТУХАЙ. Хотите жить? — епть — устраивайтесь. Вот лес, а вот — топоры и пилы — епть. Стройте. Хлеба хотите? Стройте пекарню. Мыться хотите — епть? Стройте баню. В общем, стройте что хотите — и клуб, и кино, хоть санаторий. Ограждения покуда не будет: проволоки — епть — не завезли. Охраны не будет: людей мало. Да, кстати, — кто хочет, может бежать. На все — епть — четыре стороны. Чтобы было ясно — епть — разъяснения. Вон туда — путь на Москву и Ленинград. Но только надо пересечь поначалу Буреинский хребет — епть — не советую: бездорожье, волки, медведи, даже — епть — тигры, а жрать нечего. Вон туда — на Биробиджан или Хабаровск выйти можно. Но только, не мне вас учить, это ж сплошные лагеря, кругом вохра и собаки. Вон туда — путь на Совгавань, в Японское море, кто плавать умеет — добро пожаловать. Нет энтузиастов? Ну, остается одно направление — северо-восточное епть. На Николаевск-на-Амуре. Туда бежите — мы туда-то и трассу прокладываем. Кто первый прибежит, досрочно освободится. Так что очень советую приналечь: прорубать тайгу, класть лежневку... Ясно — епть? Кому-то неясно?

ЯКОВ ХАРОН. Очень нам эта речь понравилась.

§

ХАРОН. По-нятно. Подожди! непонятно. Так всё ж Даргомьжский, клави́р? Для чего же клави́р?

ЯКОВ ХАРОН. Так ведь у нас был оркестр! А ты как думаешь? Мы создали оркестр. Я, как ты понимаешь, играл на рояле. Инструменталистов, правда, маловато и квалификация неровная, но чего не сделает энтузиазм!.. (Когда мы успевали — ты даже не спрашивай. Сам удивляюсь. Завод работал круглосуточно, в три смены, крутиться порой приходилось порой крутиться

все три смены подряд. Когда люди спали? спали ли вообще. А уж две смены работать — сам бог велел. А всё-таки.) Скрипачей было трое. Валерий Казимирович, наш главный конструктор, — пожалуй, самый лучший, хотя на воле не играл до этого лет двадцать. Двух других весьма успешно обучил Карлуша, игравший на виолончели. Вообще изначально Карлуша был трубачом, но теперь играть на трубе ему несколько мешало кровохарканье. И он переквалифицировался. А своего брата-близнеца научил играть на литаврах — представь себе, были у нас даже и литавры...

ХАРОН. Меня больше изумляет, что у вас были даже и братья-близнецы.
(*Как-то уж совсем раздухарился.*)

ЯКОВ ХАРОН. Да ну тебя.

ХАРОН. А Юр..ий Николаевич — играл?

ЯКОВ ХАРОН. Прекрасно играл! Должно быть, — прекрасно играл — до того, как в он в ссылке в Архангельске во время работы искалечил палец. Ещё в первой ссылке. Или во второй (?). Юрка он ведь сын репрессированных. Его родителей арестовали, когда ему было 14. И в этот же год его в первый раз — за чтение запрещённой литературы. Потом ещё раз. Между арестами как-то ухитрился закончить железнодорожное училище. О литературном вузе нечего было и мечтать с такой биографией. А на фортепьяно учился в детстве. После того, как ему ампутировали фалангу указательного пальца, он больше всего страдал, что не сможет играть. ...Это всё мне уже потом его мама рассказывала. Сам-то он не любил про это.

ХАРОН. А... Гийом дю Вентре?

ЯКОВ ХАРОН. Вот привязался. Гийом да Гийом. Про карусельный конвейер ему, видите ли неинтересно.

ХАРОН. Нет, это интересно тоже, но...

§

Врывается Вейнерт.

ВЕЙНЕРТ. Беда пришла откуда не ждали. Плакал наш рояль. Оказалось: эту проклятую возвратно-боевую пружину можно сделать из рояльной

провода. Из струн!

ХАРОН. ???

Вейнерт ждёт его реакции, а он пока ничего не понял, как и мы, и ждёт разъяснений от отца.

ЯКОВ ХАРОН. ...нам прислали новый заказ: велено было срочно освоить выпуск пистолета-автомата системы Шпагина. Мы разобрались в чертежах, растолкали заказы по цехам, поставили лучших мастеров и — раз-раз! — выложили на стол начальству три пробных автомата с иголки. Только из них стрелять еще было нельзя, в них не хватало одной малости — возвратно-боевой пружины. Не из чего ее сделать было, проклятую. И вот. Рассмотрели ещё раз чертёж на свою голову.

ВЕЙНЕРТ. Тебя вызывают к начальнику.

Харон (Юрий) возвращается в зону зоны.

Выходит Вертухай в образе начальника.

ВЕРТУХАЙ (как-то вдруг просительно). Понимаешь, Харон, Родина требует.

ЯКОВ ХАРОН (у себя). Да я уже я его и раньше видел и уже ждал, что этим кончится.

ХАРОН (отцу; пока пауза затянулась). А разве не мог он просто приказать?

ЯКОВ ХАРОН. Даже и не ставя меня в известность? Мог, естественно.

ВЕЙНЕРТ (перебивает). Ты что? Если по его приказу раскурочат рояль, мы бы и пикнуть не посмеем, — это да. Но только нас бы долго никто в клубе больше не видел. А начальник отлично понимает, каким огромным стимулом служит для многотысячного коллектива наша, пусть скромная, пусть самодеятельная музыка. Так что...

ВЕРТУХАЙ (Харону). Иначе — никак, понимаешь.

Харон медлит с ответом.

ЯКОВ ХАРОН. Ну?

ВЕРТУХАЙ. Ну?

ХАРОН (*решается импровизировать*). Да я ведь смотрел уже, мерил: там от силы на полсотни пружин хватит, остальные струны — (*отцу.*) да? — коротки или по сечению не подходят. Инструмент разрушим, а план...

ВЕРТУХАЙ (*радостно*). Не надо мне план! И полсотни не надо: мне бы, дурья твоя башка, только эти три штуки укомплектовать, доложить наверх — могём! Спустят нам план, спустят и материалы, я тебе хоть сто метров проволоки верну, хоть тонну! Ну? По рукам? По рукам! Валите, действуйте.

Вейнерт начинает разбирать рояль.

ВЕЙНЕРТ. Прелестный случай проверить на себе чувства Авраама в минуту, когда иудейский бог повелел ему совершить заклание сына его Исаака...

ХАРОН (*идёт помогать*). ...Прелестный случай явиться ангелу Господню и отвратить наши кусачки и пассатижи от бедного старого Блютнера.

Они работают вместе.

ЯКОВ ХАРОН. ...Но ангел не явился. Пружины были сделаны, наши три ППШ были опробованы и куда-то отправлены, но никакого плана на них, а тем более — никакой рояльной проволоки мы не получили. Заводу приказали срочно перестроиться на массовый выпуск совершенно других штучек, которые конспирации ради в переписке именовались «молотками».

«Молотки» эти надо было делать из специального чугуна. А у нас ничего у нас не было, — кроме разве такой малости, как чувство долга. Шла война, и каждый написал уже свои два десятка заявлений с просьбой об отправке на фронт. Без толку. Нам — контрикам — не светило «искупить своей кровью»... Вот тогда-то мы и создали за сорок дней литейный цех...

Интересно... Рассказываю, и сам понимаю: ты можешь подумать, что Юрка был какой-то баламут. Так отчего-то выходит. Второй уже раз влетает, как торнадо. Но на самом деле, он производил впечатление человека скорее молчаливого — в общем, не мне чета. И брал, как правило, холодно-ироничную тональность. Может, наш Гийом дю Вентре избрал сонет за его как раз за его малословие? Не знаю, мы и об этом с Юркой никогда не

говорили.

ХАРОН. Ты расскажешь?

ЯКОВ ХАРОН. Да, расскажу-расскажу. Представь: литейный цех...

Возникает образ литейного цеха. Всеобщий тяжкий труд. И комментарий Якова Харона.

ЯКОВ ХАРОН. Это рогач — бери. Рогач — это такая штука вроде носилок: две пары рукояток, одну держит один носильщик, другую — другой, а посередине железный ковш, вымазанный огнеупором.

ВЕЙНЕРТ. Ну! взяли!

ЯКОВ ХАРОН. Ковш подставляется под летку вагранки, струя чугуна наполняет его, и носильщики прут его к кокилям или на площадку фасонного литья. Чугуна на четыре отливки, примерно семьдесят кг, но дело даже не в тяжести. А в характере груза: это ж кипящий чугун!

ВЕЙНЕРТ. Осторожней, чёрт!

ЯКОВ ХАРОН. ...Споткнуться, задеть что-либо, шагнуть с напарником не в ногу — страшный ожог. Кипящий чугун — 1120 градусов. Дотащишь — швырни на чугун горсть песка, чтобы шлак схватился в корочку.

ВЕЙНЕРТ. Ставим.

Харон выдыхает.

ХАРОН. Пекло!

ЯКОВ ХАРОН. Да, не сладко. Зато наградой — чудо рождения солнечных отливок. Чудо на наших глазах, слезящихся от гари, копоти и жары!

ЮРИЙ ВЕЙНЕРТ. Вот так Вулкан ковал оружие богу...

ХАРОН (*в радость и с гордостью*). Персей Пегаса снаряжал в дорогу. Юрий Николаевич! А что если нам... А что если нам...

ЯКОВ ХАРОН (*довольно; наслаждаясь моментом памяти*). В-о-от...

ХАРОН.А что если нам создать большой диск — нечто похожее на патефонный, но не приподнятый над уровнем пола, а утопленный вровень с ним. По внешнему периметру диска радиально-симметрично можно бы расположить полтора-два десятка откатных станков... Медленно вращаясь, диск катал бы станки и рабочих, мимо станций, где бы лился чугун. Понимаешь? То есть не гора к Магомету, а Магомет...

ВЕЙНЕРТ. Вокруг горы! Гениально!

ХАРОН. Карусельный станок. Авантюра?

ВЕЙНЕРТ. Ты беги к начальству, я к Василию Казимировичу.

ХАРОН. Юрий Николаевич! Юрка! Погоди! А ещё... а что если нам — только не смейся...

ЯКОВ ХАРОН. Во-о-от.

ХАРОН. Что если нам сочинить французского поэта. То есть... я имею в виду... можно сказать, что я ещё в Берлине нашёл где-то на книжных развалах книжечку забытого французского поэта. Например, времён Карла Девятого, Генриха Наварского, Варфоломеевской ночи. Бретёр, ловелас, а после — бунтарь, борец, защитник угнетённых! Сидел в Бастилии, был осуждён на казнь, а мы — а мы бы «перевели» его стихи. О любви и любви свободе. Авантюра?

ВЕЙНЕРТ. La France. La liberte. Le vin. L'amour! Я уже думал, ты никогда не предложишь!!

ЯКОВ ХАРОН. Так родился Гийом дю Вентре. Вернее... так родилась идея, что он бы должен родиться.

§

Яков Харон в первый раз за всё это время поднимается, меняет походную ветровку на приличный пиджак.

И идёт к литературному корифею.

ЯКОВ ХАРОН (*переодеваясь и «по дороге» к критику*). Самое первое «издание», состоявшее из сорока сонетов и издевательского комментария, было выполнено Юркиным каллиграфическим почерком на кальке. (Он ведь был превосходный график). Размножено светокопировальным способом и сброшюровано в пяти экземплярах. Мы разослали эти экземпляры своим далеким — ну, скажем так: друзьям. А те уж понесли их весьма солидным ценителям и специалистам. Мы-то знали, что ценны эти стихи только в контексте времени и места своего появления. Но... немислимо! Вентре был принят благосклонно такими мировыми величинами, как, например, Лозинский в Ленинграде и Морозов в Москве. (*Заговорицки*.) Правда потом, когда книга вышла, были отзывы и другого толка.

Корифей очень старьй, очень почтенный. Очень карикатурный. Почти старик в стиле делярт.

КОРИФЕЙ. Ну-с, молодой человек. (*Потряся книжицей*.)

ЯКОВ ХАРОН. Да, вот ещё что! ...когда мы сочиняли дю Вентре биографию, мы сначала решили, что год его рождения неизвестен. Середина 16 века. А потом передумали и уточнили. 1553. В этом было какое-то пророчество. Мы тогда не знали этого, но раньше, чем через 400 лет, раньше, чем в 953-м, сонеты изданы уж никак быть не могли.

ХАРОН. Год смерти Сталина?

ЯКОВ ХАРОН. Ну, конечно! ...только до этого Юрка не дожил.

КОРИФЕЙ. Ну-с. Ну-с. Недурно, местами очень недурно. Однако ж... небрежности! И имя им легион. И! Напрасно! Напрасно вы так самонадеянно тешите себя уверенностью, будто обладаем единственным уцелевшим томиком дю Венгре в оригинале. Еще будучи студентом Сорбонны я откопал у старичка-букиниста на Монмартре такой же точно томик, явно того же издания...

ХАРОН (*отцу*). ??? то есть как это? Откуда? Вы же всё придумали! И томик, и поэта...

ЯКОВ ХАРОН (*весело*). Да очень просто! Случай так называемого вранья. Несмотря на седины. Хотя... Если мы придумали, почему бы ему не придумать.

В этой сцене корифей упивается своей авторитетной мощью, а Харон в общем-то внутренне потешается.

КОРИФЕЙ. Не постигаю, как вы, вроде бы достаточно тонко чувствующие язык и манеру дю Вентре, можете допускать явные: нелепицы, безвкусицы, оплошности! В своём экземпляре я проставил вашим переводам оценки по пятибалльной системе и сделал свои замечания на полях. Вы можете потом ознакомиться. Но некоторые суждения я вам озвучу сейчас. Как говорится: не могу молчать.

Так-с! Так-с! Вот. Рифма «увенчан — женщин»! Мо-ло-дой человек! Это ТАК изъезжено! ...Даже у меня есть.

Или вот. В «Химерах» вы описываете, как «друг друга рвут зубами обезумевшие кони». Загибаем пальцы: «Еще рыдают раненные кони» — Стийенский, «Хохочет, обезумев, конь» — Сельвинский и так далее! Вы и, Вентре, в ту же конюшню? — стыдитесь! Самого Вентре! Мо-ло-дой человек!

А ваши бесчисленные «как»! (Я все выделил кружочками). Мо-ло-дой человек! Послушайте старика. «Сонет творя, не как-айте зря!» — вот моё золотое правило.

Ну, и, конечно, это: «ты встречи ждешь, как в первый раз, волнуясь, / Мгновенья, как перчатки, теребя». Боже мой! (*Хватается за сердце.*) Не Гийом дю Вентре пишет Маркизе Л., а — простите меня грешного — подмастерье Игоря Северянина!

§

Юрка Харон не выдержал и переоделся в Гийома, как переодевался в него в детстве — плащ и шапка из подручных средств. И читает с мальчишеским восторгом и пафосом.

Конечно, это зона для концентрации теней всего «французского», всего красивого и романтического. Для великолепной тени великолепной Маркизы Л. — тоже.

ХАРОН. Ты встречи ждешь, как в первый раз, волнуясь,
Мгновенья, как перчатки, теребя,
Предчувствуя: холодным поцелуем —
Как в первый раз — я оскорблю тебя.

Я знал всё это наизусть, ещё мальчишкой я утащил из под подушки мамы этот томик папиных стихов. Папиных и — «Юркиных».

Лобзание коснется жадных губ
Небрежно-иронической тенью.
Один лишь яд, тревожный яд сомненья
В восторженность твою я влить могу...

Яд, клинок, эти не до конца понятные ещё «лобзания»... И таинственная Маркиза Л., которой посвящены все лучшие любовные стихи Гийома. О, Маркиза Л. Всё это заполняло моё детство, но я знал, что знаю не всё. Гийом дю Вентре — порождение тайны. И тайну эту — никак не выпытать у отца!

Чего ж ты ждешь? Ужель, чтоб я растаял
В огне любви, как в тигле тает сталь?

Сердце Франции: Париж: Лувр. Гийом покоряет его! При дворе еще посмеиваются над провинциализмом семнадцатилетнего гасконца, но уже не на шутку боятся его метких, безжалостных эпиграмм. Редкая проделка придворной молодежи обходится без его участия! Шпага его, наперекор всяким эдиктам, то и дело окрашивается кровью на Пре-о-Клер. Недоброжелатели прячут камень за обшлагом камзола.

Скорей застынет влага золотая
И раздробит души твоей хрусталь...

Но тут... Варфоломеевская ночь. Братоубийственная лавина, пущенная в ход королем. «Кровь льется со всех сторон, ища стока к реке». Позорная страница в истории Франции и переломный момент в жизни юного дю Вентре. С невероятной силой возмущения и гнева я обрушиваюсь... он обрушивается на инициаторов кровопролития. Бастилия! Побег! Бегство в Англию. Нелегальное возвращение со шпагой в руках!

Что ж за магнит друг к другу нас влечет?
С чем нас сравнить? Шампанское — и лед?

Ритм, время, пространство уплотняется.

§

Гудок на работу. Юрка Харон очнулся от детского сна. Все собираются.

ХАРОН. Юрк, ты вчера — помнишь — собирался шевельнуть мозгой насчет рамки для пятьдесят второго сонета. *(На самом деле, Харон уже совсем освоился; работает и дружит с Юркой с удовольствием.)*

ВЕЙНЕРТ. Думаешь, надо?

ХАРОН. Нет, ну, вы на него посмотрите! Как я обожаю, когда ты вот так морщишься и корчишься. Неподражаемо. Ты, конечно, основной, истинный, всамделишный талант — хотя бы по такому признаку, как лень!

ВЕЙНЕРТ *(позёвывая)*. Ты прав. ...надо поискать рефренную свежинку для этой штуковины не то засушим ее в усмерть.

Наваливается цех, появляется некий Вася. Появляется некий Вася. С ним есть сложность: его речь — сплошной мат. Так что когда он выходит на арену, нужно его заглушать заводским гулом (в нём недостатка нет) и переводить.

ВАСЯ. Етить его сюда через туда налево мура собачья... *(Заглушили.)*

ХАРОН. Вот. Это Вася. Вася — на заводе передовик. Он не контрик — уголовник. Мировой парень.

ВАСЯ. *(Заглушили.)* ..хреновина... *(Заглушили.)*

ХАРОН. Его перевели к нам в цех за дебоширство в виде штрафа, и теперь он высказывается в том ключе, что наши кокили, которые он видал — где? *(прислушался к Васе.)*

ВАСЯ. *(Лаконично; заглушили.)*

ХАРОН. ...м-да, словом, они похожи скорее на орудия пытки, нежели на промышленный агрегат XX века. А весь наш цех *(прислушался.)*

ВАСЯ. *(Лаконично; заглушили.)*

ХАРОН. ...похож скорее на геенну огненную. То есть на ад по-простому.

ВЕЙНЕРТ. Так правильно! Мы же его как раз сейчас и преобразуем, так что узнать нельзя будет. С помощью карусельного станка.

Всё как-то весело понеслось. Массовая сцена.

ВЕРТУХАЙ. Карусельный конвейер? Валяйте, не возражаю. Только я за вас в тюрьму не пойду. Вам что тут — цирк? С чугуном-то раскалённым прыгать на карусель?!

ВАСЯ (*Вертухаю*). (*Заглушили.*)

ВЕРТУХАЙ (*выслушал; смутился*). Ну, ладно. — На время запуска начальником оставляю своего заместителя. — С себя полномочия снимаю. Действуйте. (*Хотел было уйти, но замялся. (Возможно, «снял маску».)*) Подсобить?

Конечно! Люди нужны даже не столько в запуске станка, сколько в этой сцене. Запуск начался. Какое-то физическое действие / театр объекта.

ВАСЯ (*взяв шефство над вертухаем*). (*Заглушили.*)

ХАРОН. Хорошо бы переселиться в цех: глупо ходить туда-сюда в лагерную зону ради четырех часов сна.

ВЕЙНЕРТ. Да! А оттаскивание горячих отливок поручить ленточному транспортеру, а над постом копчения установить вытяжную вентиляцию. А на счёт 52-го сонета... Согласен: в первом катрене пока одни сопли-вопли. Голая демагогия.

ХАРОН. Я этого не говорил. Эх, разгрузочный конвейер капризничает.

ВЕЙНЕРТ. А если согнуть легкую дюймовую трубу и к ее концам были приварены планки с осевыми отверстиями?

ХАРОН. Может сработать! А если тащить от первой строки сонета? что-нибудь такое: все тот же я, может, немного суше — или строже, уж от рифмы пойдет.

ВЕЙНЕРТ. «Прожил».

ХАРОН. А?

ВАСЯ. (*Особенно громко заглушили*).

ВЕЙНЕРТ (*почти перекрикивая*). «Прожил». «Строже-прожил». Все тот же я, быть может — суше, строже... Та-та-та-та-там — так много прожил.

ХАРОН. Гениально!

ВАСЯ. (*Заглушили.*)

ХАРОН (*дослушав Васю*). Гениально! (*Показывая на Васю; изумлённо.*)
Вася, гениальное предложение. Дело было за малым: выточить направляющие и придумать удобный рычаг для поворачивания двух собранных плит...

Станок запускается.

ВАСЯ. Первый пуск, е... (*заглушили.*)

Всё приходится перекрикивать.

- Начали с малой скорости...
- но уже с первого полуоборота...
- стало ясно
- что надо переключать на следующую
- а потом еще на следующую
- Васька только успевал прыгать
- в центральный люк
- к рычагам переключения

ВАСЯ. ...и обратно на диск, е...

— пошел наш конвейер, и пошел на славу

— шестнадцать откатных станков

— в заданном ритме

— выбивка, охлаждение, смазка, копчение, постанова стержней, сборка
кокилей, установка литника и фильтра...

ВЕЙНЕРТ (*внахлёст; и тоже перекрикивая.*)

Прости, что я так холоден с тобой,—
Все тот же я, быть может,— суше, строже.
Гоним по свету мачехой-судьбой,
Я столько видел, я так много прожил!

Казалось — рушится земная твердь,
Над родиной справляют волки тризну...
Порой, как милость, призывал я смерть —
За что и кем приговорен я к жизни?!

...Когда забудут слово «гугенот»
И выветрится вонь папистской дряни,
И, наконец, тиран в гробу сгниет
И кровь повсюду литься перестанет,—

Тогда я снова стану сам собой.
Прости, что я так холоден с тобой.

И вдруг ослепительный свет и грохот.

Всех и вся как-то смело.

ВАСЯ, СНЯВШИЙ «МАСКУ». Нет, это не конвейер рванул — с конвейером как раз было всё прекрасно. Норму мы удесятирили. Взрыв случился не на конвейере. Чем кормят вагранку? Штыковым чугуном, это раз. Стальной ломью, это два. На завод поступал металлический хлам: останки самолетов, скрюченных орудий, танков, мостов, минометов. Ломь! И вот эту ломь

измельчали. В заготовительном цехе автогенщики пламенем в-в-в-в кромсали многотонные стальные скелеты. И вот, видно, чёрт решил пошутить над нами. «Под нож», точнее под пламя, угодило что-то... — похоже снаряд, застрявший в части ствола. Установить точно после взрыва, как понимаете, было невозможно. (*Вася снова «надевает маску».*) Етить его сюда через туда налево мура собачья...

Он начинает по своему обыкновению ругаться, и, как будто специально со скрежетом выезжает больничная кровать, на которой кто-то лежит, накрытый простыней.

Выходит доктор.

ДОКТОР. Харон Яков Евгеньевич 1914 года рождения... М-да.

Приподнимает простыню, приоткрывает лицо больного. Это Яков Харон — отец.

ДОКТОР. М-да. Яков-Яков. Кто же теперь нам будет Моцарта на рояле?

ВЕЙНЕРТ (*пытаясь держаться бодро*). ...Так рояль всё равно раскурочен. ...Доктор... что?

ДОКТОР. Крови вытекло порядочно.Но жить будет.

Яков Харон слабо стонет.

Кинопроектор, который он чинил или мастерил всю дорогу, самопроизвольно начинает работать.

И показывать другую реальность. Взрослый Харон со своей женой и маленьким сыном — счастливы.

§

К Харону входит доктор.

ДОКТОР. Ну-с! Придётся тебе танцевать! Танцуй. Я подарок привёз. (*Показывает свёрток.*)

ЯКОВ ХАРОН. Что там?

ДОКТОР. Что там — что там — что там — что там. (*Достаёт — какую-то проволоку.*)

ЯКОВ ХАРОН. Неужто!

ДОКТОР. Говорю: танцуй.

ЯКОВ ХАРОН. Неужели струны? Струны для нашего рояля?

ДОКТОР. Самые что ни на есть.

ЯКОВ ХАРОН. Откуда? Как? Каким образом?

ДОКТОР. Не спрашивай. Вызвали срочно самолетом в Хабаровск делать аборт какому-то крупному снабженческому начальнику... ну, не ему, конечно, самому. Он: озолочу. А я... видел краем глаза, что рояль у них там стоял. Ну, и вот. Вместо борзых щенков, так сказать. Танцуй!

ЯКОВ ХАРОН. Доктор — мировой был. Что мне Гекуба, что ему наш рояль? А вот нет же. Доктор потом недолго уже у нас пробыл. Он всё писал, как мы все, прошения на фронт. И его уважили. Трагически погиб на восточном. Достигшая нас легенда гласит: самурай-офицер, над которым доктор склонился на поле боя, чтобы осмотреть и обработать его рану, рванул чеку гранаты и взорвал его вместе с собой.

ДОКТОР. Ну! Будешь танцевать?

ЯКОВ ХАРОН. Тогда — практически затанцевал. Клянусь! Хотя ещё не вставал даже. А сейчас... Сейчас куда мне.

Харон — чистенький, в наброшенной на городскую одежду больничном халате, с городской, не лагерной авоськой подсаживается к отцу.

ХАРОН. Папа...

ЯКОВ ХАРОН. Юрк...

Яков Харон по своему обыкновению пытается уйти от темы. В данном

случае — от скорого прощания.

ЯКОВ ХАРОН. Моцарта... Моцарта играть сегодня очень трудно. Я говорю о его фортепианном наследии. И знаешь почему? Дело в том, что во времена Моцарта не было нынешних — молоточковых, ударных — рояля и пианино, а были клавишно-щипковые: клавесин, чембало, клавикорд, спинет.

ХАРОН. Па-ап.

ЯКОВ ХАРОН. Никаких крещендо и диминуэндо! Исключаются конструкцией и акустическими данными инструмента. А сегодняшний рояль в этом отношении прямо противоположен клавесину, труднее всего играть на нем ровным звуком, без нарастания и угасания. Профаны, любители и халтурщики ублажают невзыскательную публику, играя Моцарта «с чувством», то есть с цыганским завыванием. И знаешь что?? Ты уже взрослый — я тебе скажу. Знаешь ли ты отчего (возможно, ты замечал), отчего если мне случается слушать Моцарта в жлобском, или наивном, или невежественном исполнении, — отчего я не могу удержаться от скабрёзной улыбки?

ХАРОН. Па-ап... тебе бы отдохнуть.

ЯКОВ ХАРОН. Да потому что у нас в клубе под сценой был подвал! Холодный и сырой, но с тремя выходами! Что бесценно. И вот — и вот, когда доводилось Юрке уединиться там с какой-нибудь женщиной — а у нас были женщины — и вольнонаёмные, и заключённые — целых два барака!

ХАРОН. Зачем ты мне это рассказываешь?

ЯКОВ ХАРОН. ...то я стоял на стрёме. Вернее... сидел за роялем. И играл Моцарта! Я соблюдал ро-овненькое меццо-пиано при том условии, что обстановка была спокойной. И прибегал к тревожному крещендо, как только на горизонте появлялся дежурный или иной непрошенный...

Харон в целомудренном негодовании подскочил.

ХАРОН. Папа!!

ЯКОВ ХАРОН. Видишь! Как это бывает полезно. А тебя, бандит, никакими верёвками к инструменту не привяжешь.

ХАРОН. А как же его Маркиза Л. Как же? Она ничего не знала?

ЯКОВ ХАРОН. Люся? Люся знала. Он ей обо всём писал. *(Его приступ оживления немного унялся.)*

ХАРОН. И как она... выносила?

ЯКОВ ХАРОН. Плакала. Юркина мама мне потом рассказывала. Плакала, страдала от них, но тем не менее понимала.

ХАРОН *(холодно)*. Ч-т-о понимала?

ЯКОВ ХАРОН. Что понимала? Да что тут понимать? Дорвавшись со слипающимися глазами до душевого отсека и кое-как освободившись от копоти и пота и выйдя в морозную тишь, нарушаемую только где-то вдали уханьем большого молота... когда спишь урывками, когда день и ночь — особенно зимой — незаметно переползают друг в друга и только по гудкам и по отсчету смен отмеряешь течение времени... ты выйдешь в морозную тишь и непременно прикинешь, какой голод сильнее. Какой — голод — сильнее. И пойдешь не в столовку и не в барак, а в какой-нибудь закуток, где встретишь такую же усталую и такую же голодную душу — были у нас в лагере женщины, целых два барака. Работали и вольнонаемные. «Прости, что я так холоден с тобой... быть может, суше, строже...» — скажешь ты ей. На тебя будут смотреть широко раскрытые глаза и через них голодная душа... Да нет, ничего ты ей не скажешь! И ничего не дашь: ты нищ.

На эти слова — какой-то этюд на такую любовь. Кончающийся всплеском «тревожного крещендо».

§

ХАРОН. ...А... ты... ? А... *(не знает, как спросить.)* мама тоже — плакала?

ЯКОВ ХАРОН. «Мама». *(Решив опять всё переключить в другую тональность.)* А помнишь, как ты, маленький, допытывался, привёз ли я тебе «из командировки» палочки?

ХАРОН. Да какие палочки!!!?

ЯКОВ ХАРОН. Не помнишь. Ты маленький. А я в очередной раз в туберкулёзном санатории. Тебе говорят, что я уехал в командировку. И мама собирается меня навестить. И ты, видимо, допытываешься, можно ли с ней. А мама, видимо, бросает тебе: «!нет, нельзя — там палочки». (Ну, туберкулёзные палочки, палочки Коха). А ты, видимо: «А папа привезёт мне палочки, когда приедет»? От тебя отмахиваются: привезёт. Как же ты сердился на меня, когда я вернулся, и никаких тебе палочек, ни одной палочки...

Он старался рассмешить, взбодрить, а не получилось. Вообще какая-то неожиданная беспомощность в нём, несгибаемом, здесь сквозит.

ХАРОН (сухо). Ты мне, как всегда, не ответил.

ЯКОВ ХАРОН. Юрка, ты совсем балбес. Мы тогда с мамой ещё не познакомились. Как будто ты не знаешь, как мы познакомились с мамой. На огромном расстоянии друг от друга, можно сказать, почти так, как фронтовики знакомились с девушками из глубокого тыла, по переписке с фотокарточками. Только без фотокарточек. Она в Воркуте, я на Дальнем Востоке. Натаскавшись за ночь тачку с глиной, вечером, на нарах в женском бараке они, как и все, читали друг другу всё подряд. Пока однажды, исчерпав запасы классики и современности, одна из них не стала припоминать сонеты дю Вентре. И Свете они почему-то понравились. Сонеты тогда уже ходили в списках...

ЖЕНА (на видео; с книгой; (уже на воле))

«Чтоб в рай попасть мне — множество помех:
Лень, гордость, ненависть, тревоугодь,
Любовь к тебе (!) ...и — самый тяжкий грех —
Неутолимая любовь к Свободе».

ЯКОВ ХАРОН. Видишь. Магия звукового кино. (Прячет умиление.) И потом. Ты упускаешь деталь: Юрка не мог играть. У него не было фаланги пальца. А значит, для дел любовной конспирации он был совершенно непригоден. (Пытаясь вновь хохмить.) А знаешь, что означало выражение «играть на рояле» на тюремном жаргоне? Не знаешь. Операцию по занесению дактилоскопических отпечатков в формуляр арестанта. Проще говоря... (Показывает, как прикладывает палец — к Юркиному лбу.) Играть на рояле... Юрка не мог играть... (сыну.) Юрка, ты мне сыграешь?

ХАРОН. Да я же скверно... Тебе же не нравится.

ЯКОВ ХАРОН. Юрка.

*Да, Яков Харон слишком заметно сдал.
Юрка играет, что бы это ни значило.*

Из гимнастёрок вылупляется, высвобождается девушка. Она всё это время была с хором. Или хором и была. Подходит сначала к Юрке Харону. Он отрывается от игры. Смотрит на неё.

ХАРОН. Кто это?

ЯКОВ ХАРОН. Она. Его маркиза Л. Люся Хотимская.

ХАРОН. Неужели *это* — она.

(Она совсем не похожа на свою куртуазную тень.)

ЯКОВ ХАРОН *(ей)*. Не обижайтесь. Он вами всё детство прогрел.

Она гладит по голове Юрку, который не может прервать музыку и оторвать руки от «рояля».

Появляется Вейнерт. Он и Гийом сейчас и не Гийом.

Встреча.

§

Вейнерт и Люся проживают момент единения.

ЛЮСЯ. Ну, вот, наконец, и мы обнимаемся под Моцарта. Зачем ты писал мне о них?

ВЕЙНЕРТ. Я хотел быть с тобой честен.

ЛЮСЯ. ...об этих всех бесконечных вольнонаемных и о тех, которых целых два барака! С которыми ты лежал под сценой под Моцарта, исторгаемого из

бедного старого Блютнера... Об этих всех, у которых было больше случаев дать тебе наслаждение, чем у меня за целую жизнь.

ВЕЙНЕРТ. Я хотел быть честен. Я не мог не быть честен с тобой. Ты же мне всё: моральная поддержка, строгий критик, друг, любовь.

ЛЮСЯ. Любовь?

ВЕЙНЕРТ. Ты же знаешь. И потом — *(пытаясь выкрутить на шутку.)* — разве не пользовалась ты огромным успехом в писательских, актерских и разных других столь же высоких кругах? «Всю ночь Вы в Лувре. Не смыкали глаз: Бурэ, гавот... Проснетесь лишь в двенадцать...»

ЛЮСЯ. «В двенадцать», ну, конечно! В семь не хочешь?

ВЕЙНЕРТ. «...А в два — виконт.» и так далее? Разве не пользовались?

ЛЮСЯ. Один нюанс: я им всем отказывала.

ВЕЙНЕРТ. Ну, хорошо. Другой аргумент. Разве те почти полтора года, когда после освобождения и до ареста ты, — наконец, после стольких лет моя жена — приезжала ко мне в отпуск в Калинин на поселение, а я к тебе на выходные в Москву, потом не поспав сразу на работу на завод, считать дни до следующей встречи — разве не было это единственным счастливым временем моей забавной жизни?

ЛЮСЯ. Что же случилось? То есть... что же было потом?

ВЕЙНЕРТ. Потом?

ЛЮСЯ. Тебя опять арестовали в 49-м, без предъявления обвинений, без объяснения причин выслали, я собиралась к тебе в ссылку в Северо-Енисейск. Я окончательно рассорилась из-за этого с родителями, я ждала гонорар за сданную в печать работу, денег совсем не было. Даже доехать. Я ждала гонорар. За работу, которую делала два года. Я готовилась ехать к тебе. А что же потом?

ВЕЙНЕРТ. Потом? Потом ты скоропостижно скончалась.

ЛЮСЯ. А ...потом?

ВЕЙНЕРТ. Я получил телеграмму о твоей смерти от твоей сестры. Хотя мама моя умоляла её не извещать меня до тех пор, пока она не сможет ко мне приехать, и сама... Она в самом деле приехала, каким-то чудом на заработав деньги на дорогу. До этого — заваливала меня телеграммами, умоляла, чтоб я её дождался.

ЛЮСЯ. «До-ждался» — ?

ВЕЙНЕРТ. Ну... она чувствовала. Мне больше не для кого, не для чего и незачем. Как много, оказывается, значило, что ты там в Москве думаешь обо мне, ждёшь встречи, через 10 лет, через 9 лет, через 8 лет... Потом... потом ещё несколько месяцев была... кажется, Аня.

ЛЮСЯ.А-ня.

ВЕЙНЕРТ. Я думал: если бы сын. Её уволили из-за встреч со мной с работы. Это тоже обязывало. Потом...

ЛЮСЯ. Потом...

ВЕЙНЕРТ. Потом — получил твою посмертно вышедшую книгу. Потом — сжёг твои письма. И мамины тоже. 20 января — твой день рождения. Поздним вечером я ушёл в шахту. Назавтра, кстати, её должны были пустить в ход. Хорошая шахта. Глубокая.

ЛЮСЯ. Тебе было...

ВЕЙНЕРТ. 36.

ЛЮСЯ. 36.

Мелодия иссякает.

ЯКОВ ХАРОН (*сыну*). Вот видишь, как хорошо. Очень даже неплохо. И как это полезно. Уметь играть на рояле. А тебя, бандит, никакими верёвками к инструменту не привяжешь. Света! Его по-прежнему никакими верёвками к инструменту не привяжешь?

ЖЕНА (*с экрана*). Никакими.

ЯКОВ ХАРОН. Вот. Магия звукового кино. Светка... я, в общем, как ты понимаешь, понимаю, что вот так поговорить с Юркой у меня не получится. Он совсем ещё маленький, а палочки... палочек у меня хоть отбавляй. И, конечно, осталось недолго. Ты же знаешь, ни лагерь, ни ссылка ничего во мне и в моем отношении к миру и к методике его переустройства не изменили. Я так, видимо, и помру неисправимым оптимистом. От трагического до смешного, как известно, один шаг, и я, кажется, так устроен, что делаю этот шаг с особой радостью. Но финал... финал получается всё равно сентиментальный.

ХАРОН. Па-ап.

ЯКОВ ХАРОН. Да я шучу. Шучу. Подрастёшь — поймёшь. Вот будет тебе 23, как мне в Бутырках. Вот мы бы тогда с тобой поговорили. Повёз бы тебя на рыбалку, клёва бы не было, и я бы всё рассказал. А пока... носишься по квартире совсем маленький, Юрка-шкет, к роялю не привяжешь, устройство понижающего трансформатора не объяснишь... Что жизнь недодала Юрке, тому Юрке, она зато с лихвой выдала мне. Количества счастья за последнее десятилетие — его хватило бы на нас двоих. Москва, любимая работа, студенческая молодежь, которой я, кажется, все-таки нужен. И — главное — Света. И — главное — ты. Юрка-шкет. Задолго до рождения нареченный именем человека, на которого хорошо бы... хоть капельку быть... Жаль, что я не успею рассказать тебе. Но... хотя бы этой рукописью. Ты же читаешь? (*Взглянул на него.*) Прочитаешь. Ну! Напоследок — в две пары рук?

Они играют музыку.